К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДРЕВНЕЙШЕГО СЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА ХРОНИКИ ГЕОРГИЯ АМАРТОЛА*

Ростислав Станков (София)

Nullius nulla sunt praedicata

Вопрос о происхождении древнейшего перевода Хроники Георгия Амартола (ХГА) не нов. В XIX в. считали, что перевод был сделан в Болгарии. Затем, в конце XIX в., начинает пробивать себе дорогу в жизнь идея о древнерусских переводах в Киевской Руси. Автор этой идеи, А. И. Соболевский, ввел в обращение лексический критерий. В. М. Истрин, который вначале, отнесся очень даже скептически к этой идее,[1] постепенно проникся ею и стал ее самым ревностным последователем. В. М. Истрина не смутили серьезные возражения Н. Н. Дурново и П. А. Лаврова, и в третьем томе своего издания во вступительной студии он пытается риторическими рассуждениями опровергнуть доводы своих оппонентов и убедить читающую публику в том, что перевод ХГА был сделан на Руси. Методика В. М. Истрина такова: 1) сначала автор задает вопрос: мог ли древнерусский книжник употребить определенного рода слова? 2) затем, не приведя никаких доказательств, отвечает на этот вопрос положительно; 3) следовательно, перевод - древнерусский. Вот пример: "Эти слова могут быть разделены на несколько групп. Во-первых, это слова, наличность которых в наших источниках не указывается пока из древнейших русских памятников, но относительно которых должно поставить вопрос, в состоянии ли был русский книжник XI века передать ими соответствующие слова греческого оригинала? Ответ, разумеется, должен быть положительный, так как это все такие, которые были доступны всякому книжнику, знающему греческий язык, какой бы национальности он ни был" [*Истрин III*, с. XI]. Вся студия написана подобным слогом. На подобного рода рассуждения можно просто заявить, что древнерусский книжник не был в состоянии употребить эти слова, так как древнерусские книжники не владели греческим языком (кстати, это очень убедительно доказывает в своих исследованиях Ф. Томсон). Возникает вопрос, в чем наша позиция слабее позиции В. М. Истрина? Сразу становится очевидным, что риторика нам ничуть не в состоянии помочь в решении

* Работа выполнена при поддержке УФНИ при Софийском университете им. св. Климента Охридского.

[1] См.: ***Истрин 1905***, 8, где, в частности, сказано: "Прежде всего, наличность русских слов в списке XV века нисколько не свидетельствует сама по себе за русское происхождение памятника: они совершенно понятны в списке XV в."

спорных вопросов. Надо опереться на реальные языковые данные и на их аргументированную интерпретацию.

В последнее время А. А. Пичхадзе пытается объединить точки зрения В. М. Истрина и Н. Н. Дурново: в Киевской Руси работали болгарские книжники, возможно, совместно с древнерусскими [*2002*, 247-48]. А. А. Пичхадзе обращает внимание на то, что М. Вейнгарт высказал гипотезу о переводе ХГА болгарином на Руси [*Пичхадзе 2002*, 234]. "Что пишет сам М. Вейнгарт: "Myslím, že mohu v tomto sporu zaujmouti stanovisko prostředkující a označití Vremennik jako překlad *"starobulharsko-ruský"*, totiž v tom smyslu, že i když překlad vznikl v kijevské Rusi. původce jeho byl příslušník literatury starobulharské" [*Вейнгарт II*, 88]. Далее М. Вейнгарт, комментируя пресловутую летописную статью 1037 г., допускает возможность существования древнерусских переводов богослужебной литературы, но в то же время отрицает возможность перевода крупной хроники: "Ruský překlad rozsáhlého historického díla byl by tedy v XI. století osamocen a je tedy pochyný, témeř pravdenepodobný" [*там же*, 89]. Возможность существования древнерусских переводов богослужебной литературы надо полностью исключить, так как такая возможность не подкреплена никакими фактами. Сама идея М. Вейнгарта основана на мнении архим. Леонида и высказывании П. Мутафчиева, согласно которому после падения Первого болгарского царства часть древнеболгарских книжников переселилась в Киевскую Русь [*там же*, 95]. Знакомый тезис. Подобную мысль высказывали в связи со Вторым южнославянским влиянием, обосновку которого видели в массовой эмиграции южнославянских книжников после захвата Балканского полуострова турками в конце XIV в. По словам А. А. Пичхадзе, гипотеза М. Вейнгарта вполне правдоподобна с историко-культурной точки зрения [*Пичхадзе 2002*, 234]. В чем заключается правдоподобность этой гипотезы А. А. Пичхадзе не разъяснила. Порассуждаем на эту тему в конце настоящего изложения.

Перейдем к детальному разбору работы А. А. Пичхадзе. Во вступительной части А. А. Пичхадзе излагает разные точки зрения на происхождение древнейшего славянского перевода ХГА. А. А. Пичхадзе детально изложила все аргументы В. М. Истрина в пользу "древнерусского" происхождения перевода [*2002*, 233], ни словом не обмолвившись по поводу того, что аргументация Истрина подвергнута критике [см. *Станков 1994*]. Далее А. А. Пичхадзе как ни в чем не бывало цитирует мнение С. Франклина по поводу сфабрикованного В. М. Истриным чтения Аптокроумлѧ, а именно, - болгарский переводчик не мог не узнать имя знаменитого болгарского хана. Следует заключение: "Это замечание (С. Франклина, - Р. С.), кажется, остается на сегодняшний день самым сильным доводом против авторства болгарского переводчика" [*Пичхадзе 2002*, 234]. И это написано после

того, как еще П. А. Лавров [*1925-26*, 467] обратил внимание на передачу греческого *υ* в болгарском звуком [п]. В нашей работе было указано, что греч. *υ* в составе дифтонга *ευ* переходит в болгарском в [п] [*Станков 1994*, 81]. Однако такие слова как *магепсам*, *прогепсам* и др. возникли из аористной основы соответствующих греческих глаголов. Греч. *υ* в *ευ* звучало как *φ* (ср. *лефтер* из λεύτερ, *ефкия* из *ευκή᾽ ευχή*, *афкел* из *ευκέλαιο* < *ευκέλαιο* [*Дзидзилис 1990*, 31, 59]). Это должно относиться и к *υ* в *αὐτῶν*; на болгарской почве здесь возможно [п] вместо [ф]: ср. **пінінъсъ** из *φοῖνιξ* в Синайской псалтири [*СС*, 758-59, **фнникъ**]. Из сказанного видно, что форма *αὐτῶν* просто не была переведена, местоименная форма **н҃**, скорее всего, добавлена впоследствии: иначе трудно объяснить, как переводчик, переведя *αὐτῶν* формой **н҃**, затем снова написал кириллицей **апто**. В другой нашей работе было высказано предположение, что такие греч. формы как *αὐτῶν*, *ὡς* (**wсαχнwвα** 174,22 - ὡς ᾽Αχιὰβ 247,12)[2] были употребительны в устной речи болгарских книжников и поэтому остались непереведенными (ср. болг. *ала* 'но', славянское по происхождению, но совпавшее по звучанию с греч. *ἀλλά*, сербо-хорв. *as*, чеш. *ale*, польск. *ale*; *отu* 'почему' в шопских говорах из греч. *ὅτι*) [*Станков* (*в печати*)]. В третий раз укажем на эту деталь, которую ни С.Франклин, ни А. А. Пичхадзе желают понять, а именно, - чтение **Яптокроγмлѧ** является плодом издательской деятельности В. М. Истрина, оно не является фактом текста и языка перевода ХГА! Ведь еще П. А. Лавров писал: "Отступления заключаются только в том, что собственные имена напечатаны прописными буквами" [*1925-26*, 461]. Собственным именем здесь является форма **кроγмлѧ**. Есле кое-кто не согласен с тем, что В. М. Истрин неправильно прочитал текст, то, как говорится, комментарии излишни.

Не сумев разработать собственную методику анализа данных языка, А. А. Пичхадзе опирается на лексический критерий А. И. Соболевского: "Наиболее надежным аргументом в дискуссии о месте перевода остается лексика памятника" [*2002*, 234]. Приведя перечень болгаризмов, А. А. Пичхадзе, следуя методике В. М. Истрина, задается вопросом: "Могла ли эта лексика быть усвоена восточнославянским книжником, хорошо знакомым с древнеболгарским языком? Такое предположение теоретически допустимо по отношению к частотным слова (например, таким, как **къшню**), но маловероятно по отношению к

---

[2]Здесь и далее все цитаты славянского текста даются по изданию ***В. М. Истрина*** [*I*], а греческие - по изданию ***де Боора*** [*I-II*] и по Ватиканскому списку [***Истрин II***]. Первое число указывает на страницу в соответствующем издании, последующие числа указывают на строку; цитаты по Ватиканскому списку сопровождаются буквой *В*. Важные разночтения в славянском тексте даются в круглых скобках без указаний на списки.

словам, которые засвидетельствованы в древнеславянской письменности единичными фиксациями, - таким, как **гърнылъствоватн** или **трогътъ**" [*2002*, 237].[3] Перечисленная лексика и вхождение отдельных слов в состав словообразовательных рядов указывает на живое знание переводчиком древнеболгарского языка [*2002*, 237-38].

Существенное место в работе А. А. Пичхадзе занимает анализ русизмов в ХГА: "Русизмы в Хронике по числу лексических единиц превосходят болгаризмы, что и привело В. М. Истрина к выводу о древнерусском происхождении перевода" [*2002*, 238]. Забегая вперед, зададим вопрос: откуда взялось большее количество русизмов, если по словам самой А. А. Пичхадзе перевод ХГА выполнен болгарином на Руси, а сотрудничество с древнерусскими книжниками определено как возможное, т.е. гипотетическое?

А. А. Пичхадзе распределяет русизмы в три группы: воинская лексика, реалии, животные. Воинская лексика: **грндн, грндитн, гроблѧ, осада, състоупъ, състоупитн (сѧ)**. Реалии: **боумажьнкъ, жюковина, клаколъ, клакольнын, коубара, къреста, одвьрнѥ, олѧдь, сѣни, оушьвьць, шьлковъ**. Животные: **грнуь, комонница, трьпѧстъкъ, трьпѧстъкынъ, оугърь, оугърьнообразьнъ, оужь** [*2002*, 238-39]. Из этих слов нами рассмотрены в связи с древнейшим переводом Жития Андрея Юродивого слова **грнуь, трьпѧстъкъ, кръста** [*Станков 2002*]. К русизмам их нельзя причислять. А. А. Пичхадзе так и не указала (как этого не сделали ни А. И. Соболевский, ни А. М. Молдован), почему **трьпѧстъкъ** ‘обезьяна’ (с исключительно книжной пристовкой **трь-**) должно быть русизмом. Это тем более удивительно, что сама А. А. Пичхадзе пишет следующее о другой словообразовательной модели: "Трудно представить себе, что восточнославянский переводчик мог свободно использовать в качестве продуктивного словообразовательного элемента в сложениях основу **нно-** со значением ‘тот же самый’, если в древнерусском языке это значение сохранялось только в отдельных реликтах" [*2002*, 237].

I. **Грндь** ‘воин’ : (**1**) **Коzары же ѣтъ Семеѡнъ, ѿ грндїн цр҃ѧ Леѡнта носы имъ издрѣzавъ** 529,18-19[4] - Χαζάρους κατέσχεν ὁ Συμεών, τῶν ἐκ τῆς ἑταιρείας τοῦ βασιλέως Λέοντος τὰς αὐτῶν ῥῖνας ἀποτεμών, B 27,18-20; (**2**) **магистръ Іѡаннъ, гл҃емын Ѳлада, изврание соущи̑ въ грндѣ̀ в меншѝ створивъ, съ wроужиемь сна посла на Доукса** 543,16-18[5] - μάγιστρος

[3]Если уж говорить о болгарской лексике, то более уместна болгарская форма **гръныльствоватн**, а не русская **гърныльствоватн, тржтъ**, а не **трогътъ**.

[4]Слова **грндїн цр҃ѧ Леѡнта** отсутствуют в двух списках ХГА.

[5]Фраза **грндѣ̀ внешни̑ створивъ, съ wроужиемь сна посла на** отсутсвует в одном списке.

Ἰωάννης ὁ Ἐλαδᾶς, ἐκλογὴν τῶν τε τῆς ἑταιρείας καὶ τῶν ἐλατῶν ποιησάμενος, μεθ᾽ ὅπλων τούτους ἀπέστειλε κατὰ τοῦ Δουκός. B 40,14-15; (**3**) **имѣюще с собою мно҃ство много ѿ цр҃кы҃ дроужинъ и ѿ грнден (гра҃) и ѿ унновъ** 554,26-27[6] - ἔχοντας μεθ᾽ ἑαυτῶν πλῆθος ἱκανὸν ἔκτε τῶν βασιλικῶν καὶ τῆς ἑταιρίας καὶ τῶν ταγματικῶν B 49,30-31; (**4**) **семоу же оугоднвшоу цр҃вн прнута его, Ѧндрѣевн старѣншн[нѣ] грндемъ пороуун его** 505,14-15 - ᾧ ἀρεσθεὶς ὁ βασιλεὺς ἐν τῇ ἑταιρείᾳ αὐτοῦ τοῦτον κατέταξεν, Ἀνδρέᾳ ἑταιρειάρχῃ παραδοὺς αὐτὸν B 5,8-9.

Грндитн ‘быть воином’ (**5**): **дасть же и законъ тако, ꙗко хр҃тыꙗноу не грндитн нн творецьскымь [нн рнторьскымь] нн фнлософьскымь оученьемь оучнтн сѧ** 361,10-11 - ἐξέθετο δὲ καὶ νόμου ὥστε χριστιανοὺς μήτε στρατεύεσθαι μήτε ποιητικῶν ἢ ῥητορικῶν ἢ φιλοσόφων μαθημάτων ἐκπαιδεύεσθαι 541,20-542,2.

Указанные слова можно определить как русизмы, но нельзя сказать, что они принадлежат переводу. В переводе употребляется грецизм **етернархъ**: (**6**) **Іѡаннъ етернархъ** 548,13 - Ἰωάννης ἑταιρειάρχης B 44,16; (**7**) **велнкымь етернархомь** 550,20 - μέγας ἑταιρειάρχης B 46,12. Относительно глагольной формы, которая является гапаксом (при более частом употреблении **грндь**), можно сказать, что ее еще меньше можно отнести к языку перевода ХГА; ср. **воннъствовати** в подобном контексте на месте греч. *στρατεύεσθαι*: (**8**) **нже бракоу прнѹътатн сѧ цѣломоудрнемь н дѣтнн добывати҄, смотренна же по правомоу прнлежатн, н воннъствовати н къ дѣланїю прнложнтн сѧ** 233,1 - ὃς καὶ γάμοίς συγκατιέναι σώφροσι καὶ παιδοποιΐαις, οἰκονομίας τε τοῖς κατὰ τὸ δίκαιον ἐπιμελεῖσθαι, καὶ στραθευομένοις τε καὶ τὰ πρακτέα ὑποτίθεσθαι 335,9-11.

Гроблꙗ ‘ров, окружающий город’: (**9**) **wградивъ во нго тремн стены (стенамн) н гроблю въ трогбахъ текоущн водѣ всю створн** 142,17-18 - περικλείσας γὰρ αὐτὴν τρισὶ τείχεσι καὶ φάραγξιν ἀπερρωγυΐαις κατάρρυτον ὕδβσινὅλην ἐποίησεν 195,11-12; (**10**) **н съѕнжетъ wкроугъ wколо тебе гроблю н прнстоупнтъ (прнстѹпъ, прнступн) съ wроужнемь** 187,5-6 - καὶ οἰκοδομήσει σε κύκλῳ χάρακα καὶ περίστασιν ὅπλων 267,18-19; (**11**) **Тнтъ же, нѕмавъ (нѕыма) въ гробьлѧхъ Нюдѣнемъ (нюдѣꙗ) днвью требоу на пнщю (пнщю на потребѹ, пнщоу на требоу)** 265,26-27 - ὁ δὲ Τῖτος περὶ τὰς φάραγγας τοὺς Ἰουδαίους ἀγρίαν πόαν εἰς τροφὴν ἀναλέγοντας συλλαβόμενος 384,13-15; (**12**) **нѕмѣтывахоуть (нѕмѣтахѹть) ꙗ съ града въ гроблю... Нюдѣемъ же рѣющнмъ сѧ къ гроблн(въ гроблю)** 266,3-4, 7 -

[6]Этот контекст цитирован и у Срезневского [*I*, 592], где читается **от оугрьскыхъ дружинъ**.

ἔρριπτον ἀπὸ τοῦ τείχους αὐτοὺς ἐπὶ τὰς φάραγγας... τοὺς Ἰουδαίους ὠθουμένους κατὰ τῆς φάραγγας 384,20-21, 24-25.

А. А. Пичхадзе видимо считает слово русизмом на том основании, что оно встречается в *Повести временных лет* и в Словаре В. И. Даля [*I*, 396]: *гробля* стар. ‘ров, канава’. И хотя данное слово неизвестно современому болгарскому языку, оно встречается в Шестодневе Иоанна экзарха Болгарского: (**13**) **виждь оубо іако и въ гроблѧхъ въ вражданхъ сѣмена посѣпана** (ἐν τάφοις) [*Срезневский I*, 593]. И. И. Срезневский неправильно определил значение слова как ‘гроб’. Греч. *τάφος* ‘похороны, погребение’, ‘могила, гробница; кладбище’. Судя по контексту, **гроблѧ** никак не может быть связано с ковчегом, Иоанн употребил его в значении, которое близко к значению слова в ХГА. Слова с корнем *гроб-* и семантическим ядром ‘рыть, копать’ гораздо более употребительны в болгарском языке; ср.: *гроб* ‘могила’, *гробище* ‘кладбище’, *гробар* ‘могильщик’, *задгробен* ‘замогильный’. В русском языке это, как правило, старые и не очень употребительные слова [*Даль I*, 396]. Часть образований от корня *гроб-* в русском языке не связана с семантическим ядром ‘рыть, копать’: *гроб* ‘ковчег’, *гробовой* ‘относящийся к гробу, ковчегу’, *гробовщик* ‘гробовой мастер’. Отдельные диалектные слова отражают древнюю семантику корня, но их следует рассматривать как реликтовые; например, архангельское *гробня̀* ‘провал или пещера’. Образования типа **гробокопатель** и **гробокрыꙗ** [*Срезневский I*, 594; *Даль I*, 396] являются кальками с греческого и не могут принадлежать живому древнерусскому языку.

Осада ‘осада’: (**14**) **Въ осадѣ же и въ бранн вы̑ Нюдѣнемъ вънаѕапоу коурѫ велыꙗ** 267,13-14 - ἐν δὲ τῇ περιοχῇ καὶ τῷ πολέμῳ γίνεται τοὺς Ἰουδαίους ἐξαίφνης θύελλα σφοδροτάτη 386,16-17; (**15**) **нѣмъ же самѣмъ дроугъ дроуга въ wсадѣ изводѣномъ** 279,5 - τοὺς δὲ ὑπ’ ἀλλήλων ἐν τῷ συγκλεισμῷ ἀποσφαγέντας 404,14-15. Слово можно определить как русизм, но оно вряд ли принадлежит переводу: ср. в (**15**) болгарский глагол **изкостн** ‘выколоть’ (в случае ‘изрубить’, ‘заколоть’, ср. болг. *избода* ‘выколоть’). Не могли же два переводчика переводить одну фразу одновременно. К тому же в переводе употребляется глагол **окъсѣдатн, окъсѣстн**: (**16**) **Семеѡнъ... прнде к костѧнтннюю градоу и wсѣде и** (**во костѧнтннѣ гра̑**) 544,23-24 - Συμεών... κατέλαβε τὴν Κωνσταντινούπολιν, καὶ δὴ περικαθίσας αὐτὴν χάρακα B 41,16-18; (**17**) **wставль воа и стратнгы, рекше воеводы, повелѣ wбнсѣдатн (wбьсѣдатн, сѣдатн), бнтн же болгары** 464,16-17 - κατέλιπε τὸν λαὸν καὶ τοὺς στρατηγοὺς κελεύσας παρακαθίζεσθαι καὶ πολεμεῖν τὸ ἔθνος 729,7-9. Ср. **окъсѣденнѥ** ‘осада’ в XIII Словах Григория Богослова [*Срезневский II*, 568]. Б. Цонев считал

болг. *обсада* ‘осада’ русизмом, но авторы БЕР [*IV*, 757] не высказались в поддержку этого мнения. Рус. *обсаживать*, *обсаждать*, *обсадить*, *осажать*, означают преимущественно ‘садить, сажать вокруг чего-н.’; *обсад*, *обсада* ‘осада’, ‘осадное войско и работы’ [*Даль II*, 619] почти неупотребительны в сравнении с вариантом *осада*. Следовало бы ожидать заимствование болгарским языком более употребительного варианта. Между тем, древние тексты показывают, что болгарский язык предпочитает вариант с *об-*.

Сѣстѫпъ ‘сражение’: (**18**) **Ꙗ҆лисѣи прѣставн сѧ, пр҃роуьствовавъ Ноасовн первѣе сѣстоупы (сѣстѹпи) на Соурѧны (асоурѧны)** 183,4-5 - Ἐλισσαῖος ἐτελεύτησε προφητεύσας τῷ Ἰωὰς ἀς τὴν προτέραν διὰ συμβόλων κατὰ Σύρων 261,7-8; (**19**) **и прр҃ѹ́твова имоу до ·г҃-го сѣстоупа побѣдити Соурѧны (асоурѧны)** 183,7 - καὶ προφητεύει αὐτῷ ἕως τρίτης συμβολῆς νικῆσαι τοὺς Σύρους 261,11-12; (**20**) **м҃ца же авгоу҃ въ ·к҃· ннди[кти]ѡна пѧтаго сѣстоупъ бы҃ между Болгары и Грекы** 547,14-15 - μηνὶ δὲ αὐγούστῳ κ΄ ἰνδικτιῶνος ε΄ ὁ πόλεμος μεταξὺ Βουλγάρων τε καὶ Ρωμαίων B 43,27-28; (**21**) **оубнен҆ же бы҃ ннѣмин в соупостатнѣмъ сѣстоупѣ и Костѧнтинъ** 547,21 - ἐσφάγη δὲ πρὸς τοῖς ἄλλοις ἐν τῇ τοῦ πόλεμου συμβολῇ καὶ Κωνσταντῖνος B 43,33-34.

Сѣстѧпити (сѧ) ‘сойтись’: (**22**) **и сѣстоупивъ с Кюромь... побѣженъ въ҃** 39,8 - καὶ συμβαλὼν τῷ Κύρῳ... ἡττήθη 20,8-9; (**23**) **сѣстоупи сѧ (съвокѹпи́тн҃) полкомь съ Птолемѣемь, цр҃мь Ꙗ҆гоупетьскымь** 200,12-13 - συνάπτει μάχην πρὸς Πτολεμαῖον βασιλέα Αἰγύπτου 287,13. Существительное мотивировано глаголом **сѣстѧпити сѧ** ‘сойтись, сомкнуться’, встречающийся в Супрасльской рукописи [*CC*, 669]. Эти так называемые "русизмы" находятся в окружении фактов болгарского языка. Так, в (**18**), (**19**), (**22**), (**23**) наблюдатеся характерная передача греч. *ύ* как *у* или *ю* в словах **Соур-анъı, Ꙗ҆гоупетьскымь, Кюромь** [*Дзидзилис 1990*, 27, 28]. В близком окружении (**20**) встречаются болгарские географические названия **Ѻ҆дринъ** 546,6, 17 и **Доунавн** 547, примеч. 20. Трудно поверить, что на таком небольшом текстовом пространстве развернулась деятельность двух переводчиков.

II. Боумажьникъ, боумажьница ‘войлок’: (**24**) **пристигнѣ҃ оубо Ꙁлатороукаго Поуладїи въ боумавницѣ (боумажницѣ) wдѣна** 521,24-25 - Φθάνει τοίνυν τὸν Χρυσόχειρα ὁ Πουλάδης, πῖλον ἐνδεδυμένος B 20,5. В таком употреблении данное слово втречается только в этом контексте из ХГА в списке XV в. В СлРЯ XI-XVII вв. [*1*, 354] отмечены **боумажникъ, боумажница** в совсем других значениях в текстах XVII в. Слово **боумага** ‘хлопок’, ‘бумага’ известно с XV в. [*Срезневский III*, Доп. 27]. Бумага была внезена в Россию из Византии и Италии в XIV в., основная масса

итальянского производства [*Фасмер I*, 240]. Если перевод был сделан на Руси в XI в. (независимо кем - болгарином или русским) получается явный анахронизм. Отметим еще то, что в 8 из 10 списках ХГА в издании В. М. Истрина читается вариант **коумавнницѣ**. Отдельным переписчикам данное слово было не совсем понятным. Этимология слова тоже ставит некоторые вопросы. М. Фасмер полагает, что *бумажный*, *бумажник* восходят к итал. *bombagio*, а *бумага* - вторичное образование типа *фляга* из *фляжка* [*I*, 241]. При этом *бумага* произошло диссимилятивным путем из **бубага*, а не из **бѫбага*, как полагали Корш и Бернекер, потому что носовые в X в. были заменены звуками [у] [’а] [*там же*, 240]. Объяснение неубедительное: оно предполагает, что древнерусские люди, воспринимая на слух или письменно итальянское слово, ассоциировали сочетание *-ом-* с **ѫ** и передавали его буквой *у*. Возникшее таким образом *бубага* диссимилировалось в *бумага*, но ведь в XIV в. ничего не мешало появиться сочетанию *-омб-* (**комбага**). Получается, что явно более позднее *бумазея* из голл. *bombazijn* < франц. *bombasin* < ит. *bambagino* дает сочетание *-ум-* [*Фасмер I*, 241], а *бомбаст* ‘писчая бумага’ < нем. *Bombast* < англ. *bombast* — сочетание *-омб-* [*Фасмер I*, 191]. Слово *бумазея* явно ассоциировалось со словом *бумага*. Объяснение Корша и Бернекера *бумага* из **бѫбага* нельзя исключить. Наличие юса предполагает древнеболгарское посредство. С бумагой в Болгарии познакомились гораздо раньше, чем на Руси. В Болгарии распространение получил грецизм *хартия* ‘бумага’, но могли знать и итальянское слово, коль скоро Италия была крупным производителем бумаги в то время. Слово **коумажьникъ** является либо болгаризмом в древнерусском языке, либо - поздним русским чтением XV в. в тексте ХГА. И в том и в другом случае его наличие не доказывает тезис о древнерусском происхождении перевода ХГА.

Жюковина ‘перстень’: (**25**) **онъ же прнѥмъ (прїѥмъ) и свѧзавъ клѣвети и жюковиною своѥю ѯапечатавъ** (ѯъпечатлѣвъ) 343,23-24 - ὁ δὲ ταύτας δεξάμενος καὶ δεσμήσας καὶ τῷ δακτυλίῳ σημηνάμενος 508,6-7. Видимо А. А. Пичхадзе считает, что слово русизм, потому что оно известно и современному русскому языку [*Даль I*, 547]. М. Фасмер высказывает предположение о возможной связи со словом *жук*, в то же время *жиковина* ‘перстень’ определено как неясное [*Фасмер II*, 54, 64]. Нельзя не обратить внимания, однако, на болгарскую орфографию слова в ХГА с **жю-** (ср. **жюпьлъ, жюпелъ** в Зографском и Мариинском евангелиях [*CC*, 221]). В Словаре Дювернуа [*I*, 636] указано болг. *жук* ‘жук’. А. Г. Преображенский *тоже приводит болгарское слово* и указывает на звукоподражательный характер этимологии слово из *geuk > *gouk (ср. болг. *гукам*) [*Преображенский I*, 236-2327]. Кроме того, в трех списках

ХГА чуть выше слова **жюковина** добавлена фраза,[7] в которой наблюдается среднеболгарская мена юсов: **повелѣшѫ всѣмь вѣдати единосѫщьство, арна же проклѧша и мыслѧщиѫ с нимь** 343 примеч. 8. В этой фразе наблюдается и другое весьма распространенное (особенно в среднеболгарский период) явление: утрата интервокального *j* (**арна** вм. **арина**). Мена юсов показывает, что часть русских списков восходят не к древнеболгарским, а к среднеболгарским спискам. По этому поводу А. А. Пичхадзе ничего не сказала.

Клаколъ ‘колокол’: (**26**) **и помежю (промежю) тѣхъ златъı клаколъı... и створше (створивше) клаколъı ѿ злата ѷта** 43,1-3 - καὶ ἀναμεταξὺ αὐτῶν χρυσοῦς κώδωνας... καὶ ποιήσαντες κώδωνας ἐκ χρυσίου καθαροῦ 26,17-21; (**27**) **и клаколовъ (клаколы) златъı ·ѱ· ... и клаколъ ·ѿ· медянъı** 140,24-26 - 192,13-16.

Клаколнъıи ‘колокольный’: (**28**) **звонениемь клаколнъıмъ** 141,1 - τῷ κτύπτῳ τῶν κωδώνων 192,20. Праславянское слово [*Фасмер II*, 294, *БЕР II*, 414, *ЭССЯ 10*, 137-19]. На чем основывается утверждение А. А. Пичхадзе, что **клаколъ** (в болгарской огласовке!) является русизмом, неясно. А. И. Соболевский в свое время высказал мнение, что в составе древнерусской письменности есть ряд мнимых "церковнославянизмов", вроде **клаколъ** и др. Это мнение неубедительно поддержал А. С. Львов [*1975*, 4, 67-69].

Коубара ‘корабль’: (**29**) **ꙗко коубара его шествоваше въ Фарсиѭ (Фарсиѭ)** 143,25-26 - ὅτι ναῦς αὐτῷ ἐπορεύτο εἰς Θαρσεῖς 197,9-10; (**30**) **абье коубары зажьже, в нихъже крашно воемъ вожахоу** 363,2-3 - εὐθὺς τὰς μὲν τὴν τροφὴν τοῦ λαοῦ κομιζούσας ναῦς ἐνπύρισεν 545,2-3; (**31**) **коубаромъ же ꙗко на соусѣ обрѧсти сѧ лежащимъ... и тоудоу шьствоующимъ коубаромъ вода покры** 372,15-19 - τὰ δὲ πλοῖα ὡς ἐπὶ ξηρᾶς εὑρεθῆναι κείμενα ... καὶ τὰς μὲν ἐκεῖσε προσορμιζούσαν ναῦς τὸ ὕδωρ κατεκάλυψεν 560,11-16; (**32**) **шкрѣте коубароу тоу** 380,24 - εὑρὼν ἐκεῖσε πλοῖον 573,7; (**33**) **погꙋиноутти коубарамъ** ἀπολέσθαι πλοῖα. Последний контекст цитирован по И. И. Срезневскому. Грецизм, неизвестный ни современному русскому, ни болгарскому языку. М. Фасмер полагает, что **коубара** восходит к греч. *κουμβάριον* ‘галера’ [*II*, 395]. Объяснение неточное: неясно откуда появилось **к** на месте греч. *β* [v]. И. И. Срезневский предлагает связь с греч. *κουμπάρα* [*I*, 1356], что более вероятно; ср. болг. диал. *кубàня*

---

[7] Указанная фраза отсутствует в греч. тексте, она перекликается с фразой: **Ариа неѹьстиваго [и] ниѣхъ коупно смыслѧщихъ с нимь** 343,20-21 — ’Αρείου τοῦ ἀσεβοῦς καὶ ἄλλων ἓξ ὁμοφρόνων αὐτοῦ 508,1-2.

‘общая еда группы рыбаков; съестные припасы на корабле’ из греч. *κουμπάνια* ‘съестные припасы’ из ит. *compagna* ‘то же’ (т.е. греч. *μπ* > к) [*БЕР III*, 70]. СлРЯ XI-XVII вв. [*8*, 101, 103] приводит вариант **коувара** из Ипатьевской летописи, которое может восходить к греч. *κουμβάριον*, но тогда *у* должно быть из носового, иначе следовало бы ожидать **коумвара**.

Одвьрие ‘дверная притолока’: (**34**) **и стѣны и верхъı и двьри и wдвеıа кераминдъı же и медѣны лıанъı покръı домъ** 139,25-26 - καὶ τοὺς τοίχους καὶ τὰ ὀροφώματα καὶ τοῦ πολῶνας καὶ τὰ θυρώματα κεραμίσι χαλκαῖς κεχυμέναις τοῦτον ἐσκέπασεν 190,21-191,2; (**35**) **и стѣны и двьри и wдверıа** 140,14 - καὶ τοὺς τοίχους καὶ τὰς θύρας 192,2. На каком основании слово считается русизмом неясно. В Словаре Даля [*II*, 649] при *одверие* дана отсылка к *ободверина* [*II*, 609], где еще можно увидеть *одверок*, *одверки*. Ср. явно нерусского происхождения **прѣдъдвьрие** [*СлРЯ XI-XVII вв. 18*, 181], которое употребляется преимущественно в церковных текстах. **Одвьрие** тоже книжного происхождения. К этому можно добавить болгарское слово **керамида** (из греч. *κέραμις*) в (**34**). И. И. Срезневский по отношению к (**34**) приводит и вариант **керемида** [*I*, 1206]. Неправ М. Фасмер, считая, что **керамида** было в живом древнерусском языке, в котором якобы имела место ассимиляция гласных (*а>е*) [*Фасмер II*, 223]. Ассимиляция гласных произошла в болгарском языке, где более употребителен ныне вариант *керемида*. **Керамида, керемида** болгарские слова в древнерусских рукописях, они не вышли за рамки этих текстов. Если согласиться с А. А. Пичхадзе, слово **wдвьрие** перевел русский, а соседнее слово **керамида** - болгарин.

Олıадь ‘вид судна’: (**36**) **и оустроивъ нѯъ всѣ̆ свой странъ лодїй (wлıадїй) тысѧщоу...** 478,19-20 - καὶ ἐξοπλίσας ἐκ τῶν θεμάτων χελάνδα δισχίλια ἑξακόσια 758,4-5; (**37**) **ıако цр҃комоу wлѧдн, прıплывъшоу к нимоу, прıстати** 557,27-28 - ὥστε τὴν βασιλικὴν τριῤρην, διεκπλέουσαν В 52,21-22; (**38**) **Блъгарıноу оубо Петроу прıшедшоу, въ трıроу гл҃емы wлѧдь** 561,21 - Βουλγάρου οὖν Πέτρου καταλαβόντος, τριήρους ὁ βασιλεὺς Ρωμανός ἐπιβάς, В 56,3;[8] (**39**) **послан же на нѧ въ трıрѣхъ, рекше, wлѧдн, дромоны** 567,3 - ἀπεστάλη δὲ κατ’ αὐτῶν μετὰ τριήρων καὶ δρομώνων В 60,26-17; (**40**) **и прочїй дромонн и wлѧдн (wлон)** 567,16 - καὶ λοιποὶ δρόμωνες καὶ αἱ τριήρεις В 61,5-6; (**41**) **паче же воемь лодїйны̑, соущı̑ въ wлѧдн** 568,1-2 - δεδιότες τάς τε ναυμάχοις πλέον τριήρεις В 61,25-26. Данное слово грецизм: его объясняли из греч. *χελάνδιον*, М. Фасмер предлагает

[8] ***И. И. Срезневский*** цитирует этот контекст и приводит греч. μετὰ τριήρους ἐλθὼν [*III*, 998, **трıра**].

среднегреч. *ἁλιάδι(ον)* [*III*, 138]. Сам факт, что слово грецизм, уже выводит его из класса возможных русизмов, тем более, что оно неизвестно современному русскому языку: В. И. Даль скорее цитирует древний текст [*II*, 672]; *Пришли суть видѣть олядіи рускихъ*. Слово отсутствует в Словаре русских народных говоров. Если, как полагает М. Фасмер, **ѡлѧдь** восходит к форме *ἁλιάδι*, то последняя является народной формой: ср. болг. заимствования таких форм греческого языка: **фасоѹлн** < *φασούλι*[9] (Житие Андрея Юродивого) [*Станков 2002*, 88], *лизгар* < *λισγάρι*. К тому же нет уверенности в том, что слово принадлежит переводу, так как в двух случаях оно появляется в текстовых глоссах (**38**, **39**), а в одном случае является вариантом к слову **ладнꙗ** в русской огласовке **лоднꙗ** (**36**).

Сѣнн ‘портик?’: (**42**) **стоѧщоѹ же цр҃квн на сѣнѣ҆, ꙗкѡ҆ оуѵнде** (**оуѵндѣѵъ**)... 531,29-532,1 - ὡς εἶδεν αὐτὸν ὁ βασιλεὺς ἐν τῷ ἡλιακῷ ἑστηκώς, В 29,23-24; (**43**) **на оутрна оуѵо ншедшн Zон на Воукол҃ѣньстѣ҆ сѣнѣ҆** 549,12-13 - ἔωθεν οὖν ἐξελθοῦσα Ζωὴ ἐν τῷ Βουκολέοντος ἡλιακῷ В 45,8-9. Слово, видимо, определяют как русизм из-за формы мн.ч. Однако семантически его нельзя определить русизмом; ср. в Супрасльской рукописи **сѣнь** ‘шатер, скиния’ [*CC*, 679; *SJS 46*, 386]. В оексте, чуть выше (**42**), встречается болгарское слово **кроѹша** ‘груша’, искаженное на **хоѹша** (см. 531,21 и примеч. 23); в (**43**) встречается упрощение группы **-сш-** в **-ш-**, характерное для древнеболгарского языка [*Грамматика 1991*, 126; см. также *Станков* (*в печати*)]; вокруг (**43**) на стр. 548 и 549 раз девять встречается грецизм **паракимоѹменъ** - παρακιμώμενος, отражающий переход греч. ό, ώ в **оѹ** на болгарской почве [*Дзидзилис 1990*, 22-24]. Очевидно болгарский переводчик не справился сам, и ему потребовалась помощь древнерусского переводчика для перевода греч. *ἡλιακός*.

Оушьвьць ‘головное покрывало’: (**44**) **в сѣнца во мѣсто свон оушвець** (**оушевца**) **на главоѹ его положн** 545,3-4 - ἀντὶ στέμματος, ὥς φασι, τὸ ἴδιον ἐπιρριπτάριον τῇ αὐτοῦ ἐπέθηκε κεφαλῇ В 41,28-29. Слово известно пока только из ХГА; производное от **оушьвъ** ‘головное покрывало’, встречающееся, как правило, в текстах конфессионального толка [*Срезневский III*, 1345]. У Даля [*IV*, 529] *ушев* помечено пометой *церковное*. **Оушьвъ**, видимо, образование от основы причастия прошедшего времени с префиксом **оу-** (ср. **оушндь**, **оушьдь** [*Фасмер IV*, 180]). В значении суффикса *-ьс’-ь* сочетается семантика предметности и уменьшительности. В этом плане между южнославянскими и восточнославянскими языками наблюдаются некоторые различия: 1) в

[9]Болг. *фасул* в диалектах встречается и в формах *фасул’*, *пасул’*.

южнославянских языках суффикс употребляется в основном как суффикс лица и предметности; в восточнославянских языках - главным образом как суффикс лица; 2) в южнославянских языках суффикс служит для передачи объективной уменьшительности или уменьшительно-ласкательности; в восточнославянских языках он функционирует главным образом как суффикс уменьшительно-ласкательности [*Вендина 1988*, 145, 147]. Другие авторы тоже отмечают тот факт, что суффикс имеет значение уменьшительности в южнославянских языках, а в севернославянских в этой функции ему соответствует *-ikъ* [*SP 1*, 100]. Словообразовательная модель **оүшьвъ** известна древнеболгарскому языку (ср. **оүшндь**, **оүшьдь** ‘беглец’), суффикс *-ьс’-ь* в случае по своей семантической и функциональной нагрузке ближе к южнославянским языкам. Нет оснований считать слово русизмом, скорее наоборот. Неясно происхождение варианта **оүшнкъ** ‘головное покрывало’, встречающееся в Есфирь 8:15 в Геннадиевской Библии 1499 г. В этом же библейском месте читается и **оүшьвъ** по списку XIV в. [*Срезневский III*, 1344, 1345].

Шьлковъ ‘шелковый’: (**45**) оукрасёвъ ю запонѓ шелковѓмё (шелковѓя) 562,4 — περικοσμήσας αὐτὴν ὑφάσμασι σηρικοῖς B 56,17-18. Слово может быть является русизмом [см. *Фасмер IV*, 423-24]. Тем не менее не ясно присутствие им.-вин. формы шелковѓя древнеболгарского происхождения, так как форма тв.падежа шелковѓмё вполне соответсвует дат.мн. греческой формы σηρικοῖς. Возможно слово является поздней заменой, так как оно употреблено в рассказе о свадьбе будущего болгарского царя Петра и византийской принцессы Марии, а в нем встречается имя протовестиария Георгия Сурсувула (Γεώργιος ὁ Σουρσούβουλις), переданное как Гewргёю Серсоубылё 561,30 и Гewрг·ё Сърсоубылѧ 561,13, в котором ясно прослеживается древнеболгарское слово **бъылѧ**. И это всего три строчки ниже слова **шьлковъ**. Лишний раз выясняется, что теория о совместной работе болгарских и русских переводчиков простой нонсенс.

III. **Комоннца** ´кобылица’: (**46**) **н коня н мъскъı. н бахоүть емоү тъıсѧць ·ѱ· колеснічнъıхъ wроүжнн н комоннць стадъ тъıсѧць ·м·** 145,15-16 — καὶ ἵππους καὶ ἡμίονους. καὶ ἦσαν αὐτῷ χίλια τετρακόσια ἅρματα καὶ ἵπποι θήλειαι τοκάδες χιλιάδες μ´ 200,8-10. Слово является гапаксом. Производное от праслав. ∗*котопь* ‘конь’ [*ЭССЯ 10*, 175-178]. В. И. Даль [*II*, 607] указывает только *комонь*, ЭССЯ приводит диал. *комоница* ‘кобылица’, *команица* ‘яловая корова’, *комонница* ‘большая старая овца’. Часть слов, связанных с данным корнем, означают различные растения в славянских языках. В болг. языке сохранились только такие слова:

комонига ‘Melilotus, Melilotus officinalis’, *комоника* ‘дикая полынь’ [***БЕР II***, 574]. В болг. языке довольно много названий растений, представляющие словосочетания со словом *конски*: *конска борина*, *конска борика*, *конска гъба*, *конска детелина*, *конска опашка*, *конски зъби*, *конски кестен* и др. [***БЕР II***, 578-579]. О том, что праслав. ***котопь*** было известно болг. языку свидетельствует название *конско ребро* ‘жълта комунига Melilotus officinalis’ [*там же*], ср. выше *комонига*. Тот факт, что слово гапакс, позволяет рассматривать его как архаизм в древнеболгарском языке. Уникальность этого слова отметил Г. Ф. Одинцов, причисляя его к церковнославянским словам [*1980*, 30]. В этом плане любопытна мысль того же Г. Ф. Одинцова о возможном заимствовании из польского языка слова *комонникъ* ‘всадник’ [*1980*, 28, примеч. 27]. В данном контексте употреблено и слово **мъскъ** ‘мул’, о котором М. Фасмер высказал вероятность заимствования из церковнославянского [*II*, 607].

Оугърь (точнее **жгърь**) ‘угорь’: (**47**) **и морю вставцин вбрѣтаютъ, кохли и сколкы (склѧнкъı) и оугреве** 55,25 — καὶ θαλάσσης λείψανα εὑρίσκεται, κοχλίαι καὶ ὀστρέων κάλυφα 49,3-4; (**48**) **ꙗко оугора не можеть никтоже ꙗти, тако и того филосова** 342,13-14 — καὶ δίκην ἐγχέλυος ἀκατάσχετος εὑρισκόμενος· καὶ μηδενὶ λόγῳ κρατούμενος 506,1-2. Праславянское слово. М. Фасмер разделяет *угорь I* ‘рыба Anguilla’ и *угорь II* ‘прыщ на коже’ и указывает на попытки установить общее происхождение *угорь II* с *угорь I* и *уж* [*Фасмер IV*, 146-147]. Болг. *въгърец*/*въгарец* ‘червь, личинка’ М. Фасмер относит к *угорь II*. Авторы БЕР [*IV*, 201] не выделяют два слова. Ср. в (**47**) **кохль** ‘улитка’. Правда, болг. *охлюв* ‘улитка’ восходит не к *κοχλίας*, а к среднегреческому *χοχλιός* с выпадением начального *х* на болгарской почве [*Дзидзилис 1990*, 51, 133; ***БЕР IV***, 983-984]. Само заимствование из греческого языка, вытеснившее славянское название улитки в болгарском языке, говорит о том, что до появления формы *охлюв* бытование формы **кохль** вполне реально. Иначе трудно объяснить, почему переводчик употребил этот грецизм.

Оугърьнообразьнын ‘змиеобразный’: (**49**) **шнрока бо ваше стѣна, оугрьнѡвразьнын вьсходъ имаше** 139,20-21 — εὐρότατος γὰρ ὑπάρχων ὁ τοῖχος κοχλιοειδῆ τὴν ἀνάβασιν εἶχεν 190,14-15. В греческом тексте лестница сравнивается с раковиноу улитки, а в славянском — с змией. Ввиду книжного происхождения этого слова, вряд ли его можно рассматривать как русизм, учитывая, разумеется, праславянское происхождение первой части сложения.

ѫжь (на самом деле жже ‘веревка’): (50) вѣдаѥмъ бо, ꙗко стр҃тн тъı въ насъ ꙗже соуть жнлъı лн оужа нѣцнн, совкоуплаютъ с҃овкоуплаютъ с҃а н растергаютъ р҃асторгаютъ же насъ 74,21-23 — ἴσμεν γὰρ ὅτι τὰ πάθη ταῦτα ἐν ἡμῖν οἷον νεῦρα ἢ σμήρινθοί τινες ἐνδοῦσαι σπωσί τε ἡμᾶς 82,19-83,1. А. А. Пичхадзе приняла, что в данном случае читается слово оужь ‘уж’. Даже если не знать, что греч. *σμήρινθος* (*μήρινθος*) означает ‘нить, шнурок’ и что *σμήρινθοί* — форма им.мн., то форма оужа (им.мн.) указывает на то, что речь идет о форме слова жже ‘веревка’ (ср. желѣзнаꙗ жжа нераꙁдрѣшнмаꙗ, Супрасльский сборник 464,21 [*СС*, 805]). Данное слово преимущественно церковного употребления (русизмом его никак нельзя назвать, ср. болг. *въже* ‘веревка’), независимо от того, что его можно встретить в русских диалектах [*Фасмер IV*, 152; *Даль IV*, 476]. Кстати, последний связывает *уже* ‘веревка’ с *уж* ‘вид неядовитой змеи’.

Анализ показал, что если в тексте ХГА и встречаются отдельные русизмы (грндь, грнднтн, осада, шьлковъ), то их нельзя отнести к языку первоначального перевода. А. А. Пичхадзе утверждает, что нами была сделана неубедительная попытка поставить под сомнение наличность глаголов с въı- в переводе ХГА [*2002*, 243]. Разумеется, аргументов она не привела. Разве можно считать аргументами заявления типа: “Можно считать достаточно надежными такие примеры, как выклоннтнсѧ 56, 136, 531, вынѧтн 205, выселнтн 188” [*там же*]. Если кое-кто не в состоянии понять, что при наличии в переводе вариантов с приставкой нꙁ-/нс-, принадлежность форм с вы- первоначальному переводу ХГА сомнительна, то комментарии излишни [см. *Станков 1994*, 75-79]. К тому же не все чтения достаточно убедительны вместе с тем, что формы с вы- окружены фактами древнеболгарского языка, на что А. А. Пичхадзе просто не обращает внимания. Так, на стр. 136 читается в двух списках въклоннвъ сѧ, а в остальных - выклоннвъ сѧ. (здесь возможно недописано ы, но возможен и глагол въсклоннтн сѧ); на стр. 531, как уже было отмечено, читается болгарское слово кроуша ‘груша’, а на стр. 205 форма вынѧша соседствует с формой нцр҃ва, в которой наблюдается характерное для древнеболгарского языка явление консонантной диссимиляции.

Вернемся к главному выводу А. А. Пичхадзе, что перевод ХГА сделан на Руси болгарином, возможно, в сотрудничестве с древнерусскими книжниками. Сразу возникает вопрос, что делал

болгарский книжник в середине XI в. на Руси? Допустим на секунду, что А. А. Пичхадзе права. Тогда возможный ответ на заданный вопрос только один: Русь приняла христианство от Болгарии! Но такая постановка никак не увязывается с официальной точкой зрения, принятой в русской традиции, а именно, - что Русь приняла христианство от Византии. В этом собственно нет ничего плохого. Когда, однако, отдельные авторы утверждают, что в богослужении "несомненно" греческий язык использовался параллельно с славянским [см. *Оболенский 1974*, 260, *Оболенский 2001*, 265-266], то это, мягко говоря, звучит несерьезно. Где и когда греческий язык использовался на Руси в качестве богослужебного? Д. Оболенского полное отсутствие сведений на этот счет ничуть не смущает; правда, он попутно отмечает это отстутсвие, но затем впускается в свободные рассуждения: начало русского христианства уходит в 60-е годы IX столетия и совпадает с моравской миссией Кирилла и Мефодия и крещением Болгарии; между восточными славянами, с одной стороны, и западными и южными, с другой, были тесные связи, и т.д. и т.д. Возможность крещения Руси со стороны Охридской Церкви Д. Оболенский полностью отвергает. Однако именно эта возможность объясняет странное для Д. Оболенского молчание византийских хроник по поводу крещения Руси. В таком случае присутствие болгарского переводчика в XI в. на Руси вполне объяснимо.

Оставим все же спорный вопрос о крещении Руси в сторону и вернемся к чисто филологической проблеме происхождения древнейшего славянского перевода ХГА. Анализ показывает, что нет никаких оснований считать перевод древнерусским; перевод был сделан в Болгарии во второй половине X в. Попытки отдельных авторов "доказать" существование древнерусских переводов с греческого до XV в. можно окачествить просто как переливание из пустого в порожнее. По этому поводу можно еще раз повторить слова, поставленные в качестве эпиграфа: *нет никаких признаков у того, что не существует*.

ЛИТЕРАТУРА

де Боор I-II	***de Boor, C.*** Georgii Monachi Chronicon. Vol. I-II, Lipsiae, 1904.
БЕР	Български етимологичен речник. Т.I-V. София, 1971-1996.
Вейнгарт I-II	***Weingart, M.*** Byzantské kroniky v literatuře církevneslovanské. I-II. Bratislava, 1922-1923.
Вендина 1988	***Вендина, Т. И.*** К словообразовательным особенностямюжнославянских языков (в сравнении с другими славянскими языками). — В: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1984. Ленинград, 1988, 130-158.
Грамматика 1991	Граматика на старобългарския език. София, 1991.
Даль	***Даль, В. И.*** Словарь живого великорусского языка. Тт.I-IV. Москва, 1978 -1980.

Дзидзилис 1990 ***Дзидзилис, Х.*** Фонетични проблеми при етимологизуване на гръцките заемки в българския език. София, 1990.

Дювернуа I-II ***Дювернуа, А.*** Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати. Москва, Т. ỳ-ỳỳ, 1889.

Истрин 1905 ***Истрин, В. М.*** К истории заимствованных слов и переводных повестей. По поводу статьи Соболевского. Одесса, 1905.

Истрин I-III ***Истрин, В. М.*** Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. I. Петроград, 1920, Т. II. Исследование. Ленинград, 1922. Т. ỳỳỳ. Словари. Ленинград, 1930.

Лавров 1925-26 ***Лавров, П. А.*** Георгий Амартол в издании В. М. Истрина. — Slavia, 1925.

Львов 1975 ***Львов, А. С.*** Лексика "Повести временных лет". Москва, 1975.

Оболенский 1974 Obolensky, D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500 — 1453, London, 1974.

Оболенски 2001 ***Оболенски, Д.*** Византийската общност. Източна Европа, 500 — 1453. София, 2001.

Одинцов 1980 ***Одинцов, Г. Ф.*** Из истории гиппологической лексики в русском языке. Москва, 1980.

Пичхадзе 2002 ***Пичхадзе, А. А.*** О происхождении славянского перевода Хроники Георгия Амартола. — В: Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2001. Москва, 2002, 232-249.

Преображенский I-II ***Преображенский, А. Г.*** Этимологический словарь русского языка. Т. ỳ-ỳỳ. Москва, 1958.

СлРЯ XI-XVII в. Словарь русского языка XI-XVII вв. вып. 1-24. Москва, 1974-1999.

SJS Slovník jazyka staroslověnského. ČSAV. 1-49. Praha, 1958-1995.

SP Słownik prasłowiański. T.1-7. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1974-1995.

Срезневский I-III ***Срезневский, И. И.*** Материалы для словаря древнерусского языка. Санкт-Петербург, Т.1. 1893, Т.2. 1902, Т.3, 1912.

Станков 1994 ***Станков, Р.*** Славянский перевод Хроники Георгия Амартола в издании В. М. Истрина. — Palaeobulgarica/Старобългаристика 1994, кн. 1, 74-88.

Станков 2002 ***Станков, Р.*** Время и место древнейших славянских переводов (На материале Жития Андрея Юродивого). София, 2002.

Станков (в печати) ***Станков, Р.*** Из наблюдений над языком древнейшего славянского перевода Хроники Георгия Амартола (*в печати*).

СС Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков). Москва, 1994.

Фасмер I-IV ***Фасмер, М.*** Этимологический словарь русского языка. Тт. I-IV. Москва, 1964-1973.

ЭССЯ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1-26. Москва, 1974-1999.